

Он громко славил жизнь и торопился жить...

*К 120-летию писателя, этнографа
А. Е. Новосёлова*

Говорят, он предчувствовал смерть, он шёл ей навстречу. Это случилось 23 сентября 1918 года в Загородной роще Омска. Александра Ефремовича Новосёлова, писателя, учёного-этнографа, политического деятеля, убили выстрелом в спину, а накануне он строил совсем не военные планы: жить, писать и писать. «Как я устал, говорил он, когда я с болью смотрела на его поседевшую голову, — вспоминала вдова Галина Петровна, — как я устал.. Ведь я купил себе право на отдых. Я уйду от политики совсем. Выполню возложенное на меня поручение, выйду в отставку и стану писать. Ах, как много у меня накопилось. Я задумал романы: "Град Китеж", "Сиреневые занавески", "Чаруса". Как хочется писать. Только скорей, скорей кончить всё». Ему не удалось это. Не успевши даже рассмотреть хорошенъко детей, один из которых родился во время его отсутствия, — он ушёл в новый, уже бесконечный путь».

Что же нам известно о трагической судьбе писателя Александра Ефремовича Новосёлова, запечатлевшего наш край в своих замечательных этнографических очерках и художественных произведениях? Ко жалению, немного. Как и другие талантливые писатели начала XX столетия, он казнён забвением. Было бы неправдой сказать, что о нём заговорили сегодня в той мере, какую писатель заслуживает. В биографии Новосёлова по сей день достаточно тайн и "белых пятен", и существовать они будут ещё долго по ряду причин. И не только потому, что он прожил короткую, в 34 года, жизнь, а его архив не уцелел в блокадном Ленинграде, но и по причине его принадлежности к областническому сибирскому движению. Поэтому материалы о нём весьма неохотно публиковались в советской печати. Об этом свидетельствуют письма известного восточноказахстанского писателя-краеведа

**Ольга
Михайловна
ТАРЛЫКОВА**

родилась в с. Сугатовка Щемонаихинского района Восточно-Казахстанской обл. В 1980 году окончила филологический факультет педагогического института в г. Усть-Каменогорске. С 1987 года работает в областном историко-краеведческом музее научным сотрудником. Публиковалась в городских и республиканских газетах и журналах, в том числе в "Ниве". Темы публикаций: "Писатели Восточного Казахстана" и "История города Усть-Каменогорска".

Станислава Евгеньевича Черных, что хранятся в фондах историко-краеведческого музея г. Усть-Каменогорска. В письме к литературному критику И. Н. Яновскому в Новосибирск читаем: "А. Е. Новосёловым и не занимался около 5 лет, а может быть, и более, так как в Алма-Ате к нему относились настороженно после издания его произведений А. Т. Изотовым, Андрей Трофимович, видимо, Вам об этом рассказывал. Когда я хотел включить очерк об Александре Ефремовиче в свою книгу, то в издательстве дружно замахали руками, категорически стали возражать, указывая перстами в сторону ЦК".

В письме в Ленинград С. М. Бабинцеву Черных сообщает: "Мне отказали в "Сибирских огнях" в публикации 3-х материалов: об Анове, Пермитине, Новосёлове. Хотя материалы о Новосёлове помогал пристроить Н. Н. Яновский".

Таким образом, творческое наследие А. Новосёлова на долгие годы оказалось в забвении. А между тем в начале XX века А. Новосёлов был широко известен в писательских кругах России. Его очерки и рассказы ценили и печатали М. Горький, А. сибирский писатель Ф. А. Березовский в 1922 году писал: "Новосёлов был столь крупной фигурой, что будущий историк сибирской литературы и общественного движения Сибири не может обойти его имя". Вспомним о Новосёлове и мы в связи с его юбилеем. Возможно, читателю будут интересны некоторые факты из его творческой биографии, обнаруженные в музеях и архивах Омска, Павлодара, Барнаула, Усть-Каменогорска, Шемонаихи.

Истоки

Родился А. Е. Новосёлов 5 (17) ноября 1884 года в станице Железинской близ Павлодара. Жизнь посёлку дала Железинская крепость, построенная в 1718 году известным строителем прииртышских крепостей Прокопием Ступиным. Кстати сказать, Ступин возводил и Усть-Каменогорскую крепость, только двумя годами позже. Железинка, так называется посёлок теперь, по сей день хранит следы рва и вала, окружавших когда-то крепость.

Будущий писатель был первенцем в семье хорунжего сибирского казачьего полка Ефрема Новосёлова и совсем юной 16-летней женщины, имя которой нам, к сожалению, неизвестно. По воспоминаниям Галины Петровны Новосёловой, вдовы писателя, мать Александра Ефремовича была необыкновенной личностью: "Не получившая никакого образования, она тем не менее всегда отличалась ясным взглядом на вещи, железной настойчивостью в достижении цели и острой любознательностью. Вся жизнь её была посвящена детям, которых она любила с болезненной страстью".

По рассказам матери, Саша рос "замкнутым, молчаливым ребёнком. По целым часам он мог сидеть где-нибудь в тёмном углу, и на вопрос матери "Что ты делаешь?" — неизменно отвечал: "Думаю".

Омский кадетский корпус

В 11 лет, самостоятельно подготовившись, Саша Новосёлов поступает в пансион казачьего войска, а год спустя, 13 сентября 1896 года, он зачислен в Омский кадетский корпус — лучшее учебное заведение Сибири, дававшее отличные и разносторонние знания. В аттестационной тетради Новосёлова офицер-воспитатель штабс-капитан Ломшаков после года обучения записал: "Умственно развит достаточно, способности довольно удовлетворительные, внимателен, прилежен, заботлив, Физически развит хорошо, телосложение крепкого, тихий, скромный, приветливый, опрятен и бережлив, в шалостях сдержан, к требованиям и порядкам заведения относится внимательно. Со старшими вежлив и почтителен. Классы посещает исправно". Позднее Ломшаков приписал: "Весьма трудолюбив, довольно аккуратен, товарищами любим".

В силу своей замкнутости, в кадетском корпусе мальчик не обрёл особенно близких друзей. "Да, кажется, их не было у него и впоследствии. Он не умел делить чувства и отдавал всю нежность, всё доверие и откровенность тому, кого любил", — вспоминала здова. Саша был очень привязан к матери. Она же госковала о своём первенце, и отец, чтобы успокоить жену и остановить бесконечные горькие слёзы, ехал в Омск на лошадях 300 вёрст, чтобы привезти сына на Рождество или Пасху.

Первые литературные опыты — стихотворения в прозе Новосёлов начал писать совсем юным. Они повествовали "о жизненной борьбе, о море пошлости, грозящей захлестнуть каждого... Они ... не увидели света, потому что автор, показавши их самым близким друзьям, уничтожил".

Кадет Новосёлов страстью увлекается литературой. Благодаря богатейшей библиотеке кадетского корпуса, он знакомится с классикой, зачитывается трудами учёных-путешественников по истории, этнографии, географии, сближается с прогрессивной молодёжью Омска и вскоре входит в Омский литературный кружок. Постепенно литературные интересы берут верх, и вот он уже автор первого опубликованного рассказа "Катька", появившегося в омской газете "Степной край" в 1903 году.

Возможно поэтому Новосёлов круто меняет свою судьбу и перед выпускными экзаменами, несмотря на блестящие успехи, в 1904 году оставляет кадетский корпус и возвращается домой. В Железинской он много читает, охотится и готовится к экзаменам в Омскую учительскую семинарию. "Я часто получала его письма, написанные на обрывке бумаги карандашом и, казалось, еще сохранившие запах сена, на котором лежал автор", — вспомнила Галина Новосёлова.

Учитель

В 1905 году Новосёлов экстерном сдаёт экзамены за учительскую семинарию и сад в изначную школу посёлка Надеждинского близ Петропавловска. В начале ноября того же года он венчается с Галиной Петровной, ему едва исполнился 21 год.

Это был период революционных событий в России. Прогрессивно настроенный учитель делает попытки заняться просветительской работой в тёмной и невежественной среде казаков. Он объясняет учащимся о "воскресных чтениях" для родителей и немало удивлён неожиданным результатом. В школу стали являться бабы с приношениями, желая откупиться от учителя маслом, сметаной, курами, гусынями: "Уж ты возьми, батюшка, только на завтра-то ослобони, некогда мне приходить". — С грустью пришлось констатировать, что чтение является не удовольствием, а обузой, и прекратить их", — вспомнила Галина Новосёлова.

"Завтра я еду! На Алтай!"

Вскоре неброская природа "Горькой линии" и жажда путешествий заставили учителя просить о переводе на Алтай. Его направляют в посёлок Большеварымский. Именно здесь, в нашем крае, он и состоялся как писатель и учёный-этнограф.

"Там, — писала Галина Новосёлова, — он научился любить горы, их диковинную красоту и мощь, их дивный воздух и роскошную растительность". Здесь его детские мечты о путешествиях в горы преломились в реальность. И вот он на "большом и уютном пароходе нового типа" отправляется из Омска к месту назначения. Подплывая к Семипалатинску, Новосёлов впервые увидел горы. О встрече с ними будущий писатель мечтал давно. Ещё в юности он зачитывался описанием их путешественниками и подолгу изучал их на картинах, внимательно рассматривая все мельчайшие подробности: каждый камень,

каждую трещину, зажмуривая глаза и стараясь представить их себе настоящими, живыми во всем их величии; мысленно выбирался на голые вершины и окидывал взором окружающий мир, создавая чудные картины". Но то, что он увидит на Алтае, превзойдет все его ожидания. Пока же, это всего лишь "Семипалатинские холмы", лежащие верстах в семидесяти к западу от Иртыша. "А к вечеру первого дня, — пишет Новосёлов, — на горизонте уже грозно синели первые вершины Алтая, и утром я проснулся в Усть-Каменогорске".

Усть-Каменогорск показался ему чистеньkim и уютным городком, который пока мало тронула цивилизация. Так что после Омска, Павлодара и Семипалатинска он готов был принять его за большое лачное местечко. "Нельзя выдумать более удачного названия этого города, так как он действительно расположен при начале отрогов главного хребта и с трёх сторон окружён горами, как стеной", — делится Новосёлов впечатлениями от путешествия в цикле очерков "Лицо моей Родины", напомнивших дневниковые записи, запечатлевшие увиденное и пережитое.

"Так вот они какие — горы!"

Дальше к месту назначения Новосёлов следовал на земских лошадях. Дорога то пегая ущельями, стиснутыми отвесными скалами, то выбиралась на пынявшую высоту, то внезапно срывалась с кручи вниз, и казалось, что беспечный возница не успеет воспользоваться "услугами тормоза". Вот дорога внезапно оборвась, преграждённая бурной рекой. Преодолев её на пароме, он уже мчится "по живописному карнизу, оторванному со стороны пропасти ненаётными столбиками". При взгляде вниз кружит голову высота и кажется, что испуганные лошади ринутся на прогнившую загородку и полетят экипаж на вершины стройных пихт. Горы шепчут, чаруют своей красотой, и уж на "дне души родятся чудные мотивы: то величаво-торжественные, то страстью-буиные, то неслышные, нежные и идут по струнам сердца, опьяняют и туманят голову".

"Мне всё хотелось остановиться и потрогать эти дикие серые камни руками и, когда я вышел из тележки, чтобы отдохнуть, я не верил, что стою среди настоящего ущелья. — Так вот они какие, горы! Мне хотелось молиться этому величию, этой неподдельной красоте. — таково было мое настроение, — да, мне именно хотелось молиться".

"Заели, прямо заели!"

На пути в Большепирам учитель встречается с живописные посёлки: Ульбинский, Феклистовский, Северное, Александровка, Бухтарминский, Черемшанский, Малокрасноярский. Писатель знакомит нас с жизненным укладом, бытом, нравами их обитателей. В Феклистовке, например, Новосёлов пробыл не более часа, "что случается на земских станциях довольно редко. Обыкновенно, учителю или "учителке", едущим по бесплатному бланку, лошади выдаются после долгих препирательств, почесываний, предложений переночевать и, вообще, что называется, с трудом. Единственный способ ускорить проезд — это исправная выдача "на водку", но казачьему учителю подобный способ совершенно недоступен".

В посёлке Северном же Новосёлов "отсидел сразу за несколько станций", поскольку содержатель станции загулил на свадьбе, и лишь следующим утром учитель тронулся в путь.

Дорога по Пихтовому ущелью, замкнутому почти отвесными скалами, изумляла его "дикой первозданной грациозностью". После настойчивых требований и ругани в Александровке учителю, наконец, удалось получить лошадей и добраться до посёлка Берёзовского, который произвёл на Новосёлова жалкое впечатление "своей грязью": "Окружающие его сопки, утоптанные скотом, не привлекательные, голые, похожие на стены тюрьмы". На станции Бухтарминской

учители встретили, матко говоря, недоброжелательно. "Кто это? — спрашивал хозяин имущество. — Учитель. — Заели, заели, прямо заели... попёрло их теперь. Как осень, так и пошли кататься... Меня бы атаманом отдала, я бы их присадил... Куда это? Пристыжку! Долой! Не нужно. На одной докатит. Нету у меня лошадей".

Миновав Воронай, Черемшанку и Красноярку, Новосёлов продолжал путь вдоль Нарымского хребта до посёлка Большенарымского.

Нарымский хребет показался учителю "грозной неизвестной стеной", поражая своей мощью: "... и чем ближе к нему, тем выше и массивней вырастает он бесконечной грядой". Скоро показался Большенарамский.

"В неприглядной обстановке"

Посёлок раскинулся в Нарымской долине, окружённой горами. На берегу "узенькой, но горной речки" на голом сланцевом холме рядом с церковью учителя ождала школа: типично казачья, поражавшая своей неухоженностью и бедностью. Малопригодное помещение под класс, его обстановка, учебный инвентарь — всё везде: тесно, неудобно, бедно, как будто всё это существует незаконно и стыдится своего безотрадного бытия. А посёлок один из богатейших в уезде, народ все солидный, домовитый, лесу много, но на школу, должно быть, "ещё не насадили", как сострил один станичник".

Посему ясно, как казачество "заботилось" о просвещении детей, и на замечание учителя о непригодности "какого-то амбара под училище" "старики" недоуменно пожимали плечами и даже сердились. "Помилуйте, с потолка не кашет, сидеть на чём имеется, а остальное не больше как роскошь, и средств на эту роскошь нет. Вот если войско от себя приложит, тогда другое дело". Войско "горяча" пришлось было хлопотать о сборе данных по нуждам школы, но через месяц о школе уже забыли.

В самой неприглядной обстановке потянулись серые и однообразные дни учителя. Детей было около сотни и справиться с такой "оразой" не представлялось физически возможным". Так прошла зима, а весной с приходом традиционных "пельменников" Новосёлову "посчастливилось" поближе познакомиться с местной "интеллигенцией".

"Пельмениники"

Остросатирические страницы очерка "Первые в деревне" рисуют нам "деревенскую публику", до удивления погрязшую в мелочных дрягах и попойках. Показательны в этом смысле описанные Новосёловым "пельмениники".

"Пельмениники", — иронизирует Новосёлов, — это просто беспрерывный "выпивон", который открывается застольем у начальника почтового отделения. Доминирующее положение на закусочном форту занимает квасной графин, под пробку заполненный водкой, а вокруг него, как около командующего, толпится штаб: рыболован засенция, смородинная на водке и ещё несколько — "всё для дома". Так во всём сибирском войске". На "пельмениках" обсуждаются новости настолько "казусные", замечает автор, причём в подобном разговоре не участвует только женская половина. Критический взгляд писателя "выхватывает" в компании агента фирмы "Зингер" — сухонького человечка, пившего при удобном и неудобном случаях. По приезду в посёлок он "почему-то заявил себя ирым антиалкоголиком и крепился с месяц, пока с голодухи и великолепному восторгу всей публики, не напился через край".

Подмочивши репутацию, Андрей Андреич уже не стеснялся, и вот уже "бесмысленно икающий", он безмятежно развалился на диване, но к нему никто не подходит близко, так как знают, что в таком состоянии Андрей Андреич имел привычку прицелиться к чьей-либо ноге и тянуть подвернувшуюся жертву к себе с самым серьёзным видом...

А "пельменники" продолжаются. "Перепели всё, что знали, перенесли в почту, в дурачки, в лото". Трудно представить в этой "честной компании" интеллигентного, серьёзного учителя, черпающего, впрочем, в подобных сборищах благодатный материал для своих произведений. Конечно же, он не записывался в это общество. По воспоминаниям современников, Новослобод был сдергаем, проничен, проницателен, с чувством собственного достоинства. Взгляните на снимки. Он всем своим видом притягивает к себе внимание. Ф. Березовский вспоминает о первой встрече с Новослободым: был он "немного выше среднего роста, стройный, в тёмном плащном костюме, в блестящей крахмальной сорочке, а движения медленные, несколько угловатые и... лишены житейской сибирской просторов: сухое, чуть-чуть продолговатое с слегка пробивающейся светло-русой растильностью; резко очерчены скуды и голубые глаза — напоминающие алматскую крону; широкий и открытый лоб, но тоже какой-то особо вырубленный — сибирский; широкий подбородок и тонкие губы; в глазах светится пьяный ум и слегка спрятанный юмор, который в разговоре нет-нет да и прорывается. Говорит медленно, но твёрдым и сочным баском, а тонкие губы со склонкой настойчивости и упрямства часто кривятся в улыбку, которую он старателенно сдерживает".

А ещё, по воспоминаниям современников, он умел заразительно смеяться до слёз, был жизнерадостным и остроумным. Прочтите рассказ "Весной" (Артельскую мозаику). Там есть поразительные жизнеутверждающие строки: "В душе радостно, легко и свободно. Я люблю сейчас весь мир — по-весеннему затинутое дымкой небо, прошлогоднюю увявшую траву, плакучий терпкий воздух, бьющий в голову, как крепкое вино, — я люблю торжественно встающую от сна природу и тону душой в её беззвучной песне. Всё поёт — и небо и земля до последней бычинки — всё поёт и хваляет жизнь!"

Но до весны еще далеко. Молодой учитель только-только освоился в новой школе, проходит день за днём, приносит треноги и разочарования: "одни и те же лица, разговоры, мысли". Скоро подошли рождественские праздники.

Ёлка

Школьная ёлка в Большенараме доставила ему немало хлопот и горечей. Двенадцать рублей, что удалось учителю выхлопотать на покупку сладостей для детей и украшений для ёлки, предназначались, как оказалось, и для угощения родителей. Попечитель дивился опрометчивости учителя, потратившего все деньги на ребят: "Ведь не наливаться и не наедаться придут они, а так, по рюмочке опрокинуть". Таков порядок, заведённый в посёлке. Но детская елка была безнадёжно испорчена пьяным дебошем "золотой" молодёжи. Не помогли и несколько молодых казаков с пашками через плечо, направленных атаманом, к удивлению учителя, для охраны порядка "от подлого народа".

Во время концерта дети награждались не только аплодисментами, но и замечаниями с мест, как-то: "Васька, подтини, соплик, штаны-то!". Под дружный хохот зрителей артист конфузился до слёз...

А в зал всё прибывала молодёжь, было шумно, атаман то и дело подскакивал, делая замечания привратнику. И когда тишину "резнул" пронзительный визг девицы, "ущемлённой за непоказанное место", старики не выдержали: "Кто их, срамников, напускал туда? — уйми, атаман". Скоро с силой хлопнула ставня и раздался стук разбитого стекла, а в окне рядом показалось несколько прижатых к стеклу носов, похожих на свиные рыла. И вот удачно кинутый снежок разбился о напомаженную голову атаманши, чем и завершил "дело". Вечер был безнадёжно испорчен. "Не нужно искать во всех этих безобразиях признаков демонстрации тех или иных чувств, ни даже серьёзного злого умысла. Хамство не имеет помвы, иначе это уже не будет хамство", — сокрушённо заключает писатель,

"Лицо его Родины"

Таким виделось порой Новосёлову лицо его Родины, которое рисовалось ему и убогим бытом переселенцев из "Расей лапотной", и "полянкой" с частушками, раздольными песнями, остроумными шутками и, к сожалению, отборной бранью деревенской молодёжи.

"Лицо его Родины" — это и "кочевник, силой обстоятельств выброшенный из родной глухой степи на городскую набережную", и пахарь, надрывающийся на пашне до седьмого пота. Это и господа офицеры, и сельский учитель и послушница Аинушки, готовая на подвиг самоотречения во имя веры, и чинные станичники, "что угрюмо собираются на атаманской завалинке". В "Лице его Родины" мы видим старую Каиш, убивающуюся по умершему мужу, и степь с её обитателями, — открытыми душой, беспечными киргизами, и русского старика, приехавшего на чужие земли с мешком земли, дабы, когда умрёт, присыпали его землицей с Родины.

Новосёлов знал и уважал быт и традиции и русского крестьянства, и казачества, и степняков. Не одну ночь он "проводил по юртам и степным зимовкам...", но никогда не покидал гостеприимный очаг с чувством пренебрежения к своеобразному быту степняка. Напротив, он способен рассмотреть в простых людях "кристальную чистоту цельной человеческой души", которую "утеряло цивилизованное общество". Среди них "отдыхаешь душой, будто на время с тебя спадают невидимые цепи".

Обширные знания культуры разных народов помогут ему создать правдивые полотна народной жизни, объединённые называнием "Лицо моей Родины". В них прогрессивно настроенный писатель не мог пройти мимо событий, лихорадивших Сибирь в связи с переселенческой политикой. Бедственное положение переселенцев, вынужденных оставить родные места, выживающих в столкновениях с местным населением из-за покоев и земельных угодий, разорение и обнищание казаков, вытесняемых с насиженных мест — всё будет в поле зрения писателя-демократа.

А пока учитель Новосёлов пишет небольшие очерки и статьи, публикующих в семипалатинских газетах. В Большенарымске Новосёловы прожили год. "Всё та же страсть к движению, стремление к лучшему, новому знанию увлекла [Александра Ефремовича] с Алтая, и в 1907 году, — вспоминала Галина Новосёлова, — он поступает воспитателем в Омский войсковой пансион казачьего войска, где и служит одиннадцать лет". Но Алтай навсегда покорил его сердце, и сюда в разные годы он будет возвращаться.

Снова Омск

В Омске Новосёлов много печатается в сибирских газетах и журналах под псевдонимом А. Невесов, сближается с писателями Ф. Березовским, А. Сорокиным, А. Ершовым, Н. Феоктистовым. Появляется "чисто семейный" литературный кружок, существовавший до 1916 года. Молодые писатели собирались почти еженедельно, читали свои произведения, обсуждали новую литературу, спорили. А когда к ним заходил кто-нибудь из партийных товарищей, обсуждались и политические вопросы. Новосёлов не принимал в них участия. После говорил Березовскому, иронически улыбаясь: "И хочется Вам, Алексеич, чепухой заниматься? Ведь срунда всё это... Эря вечер пропал..." Скоро литературный кружок начал выпускать при редакции газеты В. М. Крутовского небольшой журнальчик, где Новосёлов опубликовал рассказ "На пасеке" (1909), обративший на себя внимание творческой интеллигенции. На затерянной в устье мрачного ущелья пасеке живёт Даниловна с прелестной, полной жизни внучкой Настей. "Девку-огонь" сватает ненавистный ей рыхий и толстый вдовец Евсей, владелец "маральника в сто голов". Но приехавший на пасеку

молодой учитель покоряет сердце таёжной красавицы и развеивает надежды Евсея. Этот рассказ, как и последующие, напоминал Ф. Березовскому куприйские рассказы: "При чтении чувствуется непобедимая сила торжествующей жизни, терпкий запах смолистых кедров и аромата сотового мёда".

"Чёртова яма"

Весной 1910 года Новосёлов, Ерпов, Березовский и несколько партийных товарищей переехали жить на дачу в местечко, называемое "Чёртовой ямой", что в восьми верстах на юг от Омска. По вечерам после захода солнца в нашей "Нахаловке"... стоял невообразимый шум, — вспоминал Ф. Березовский. — Сюда, почти со всего дачного посёлка, собирались детьвора и подростки. Разводился... костёр, пелись хоровые песни, рассказывались сказки и весёлые анекдоты: шла беспрерывная детская возня... Александр Ефремович и здесь умел привлечь к себе внимание. Обычно он начинал рассказывать какую-нибудь серьёзную историю и кончал опять таким финалом, от которого над "Нахаловкой" долго стоял непрерывный хохот взрослых и детей. Причём дети начинали после этого упрашивать его прыгнуть через костёр. Улыбаясь, Александр Ефремович отмахивался от наседавшей детьворы... А потом вдруг неожиданно вырывался из тьмы и, как мяч, летел через высокое пламя. Воздух оглашался восторженным рёвом детьворы...

В этот период Новосёлов пишет зарисовки и очерки, объединённые заглавиями "Степные картинки", "Алтайские этюды", "Дорожный кинемо"; пишет рассказы "Лёгкая жизнь" (1909), "Экзамен" (1910), "В юрте" (1909) и публикует их преимущественно в "Омском вестнике", а также в "Сибирских вопросах". Позднее рассказы и очерки составят книгу "Лицо моей Родины", которую Новосёлов не увидит напечатанной при жизни.

Судьба книги трагична. О её существовании известно из воспоминаний Г. П. Новосёловой (1919), да по публикации отрывков в "Сибирских огнях" (1923, 1924 гг.). Во вступительном слове к публикации написано: "Под таким заглавием покойный А. Новосёлов, самый яркий из беллетристов Сибири предреволюционного периода, подготовлял книгу для отдельного издания. Но мечте писателя не суждено было сбыться. Пуля бездушной колчаковской военизации оборвала его жизнь в расцвете сил. Новосёлов убит 34 лет. Книга-рукопись — осталась в папке покойного писателя".

Путь к читателю

Книгу "Лицо моей Родины" Новосёлов嘗試а издать при жизни. В 1915 году она попала к М. Горькому, который надеялся выпустить её в издательстве "Парус", но события 1917 года помешали, так как журнал "Летопись" и издательство "Парус" прекратили существование. По свидетельству Г. Вяткина, М. Горький высоко оценил рукопись: "Один из ваших сибиряков назвал свой очерк "Лицо моей Родины". Хорошо. Лучше не придумаешь. А многие ли знают лицо своей Родины? Я встречал таких интеллигентов, которые, право, больше знали Китай, чем Россию. А уж в отношении окраины и малых народностей мы совсем невежественны". Потом папка с книгой-рукописью, по свидетельству Н. Н. Яновского, хранилась у сибирского писателя К. Урманова, затем у вдовы Новосёлова и позже у дочери, Галины Александровны. Но 35 страниц книги из 182-х все-таки были утеряны и лишь более полувека спустя отдельные очерки из цикла "Лицо моей Родины" вошли в книгу "Беловодье", выпущенную в Алма-Ате в 1960 году стараниями писателя-краеведа А. Изотова. В полном же существующем варианте весь цикл очерков "Лицо моей Родины" вошёл в очередной сборник под тем же названием "Беловодье" в Иркутске в 1981 году под руководством Н. Н. Яновского. Впрочем, столь трудный путь Новосёлова к читателю не окончен. Книги вышли мизерными тиражами и по сей день являются библиографической редкостью.

"По-настоящему живу только летом..."

Но это будет после, а пока... Десятые годы А. Новосёлов живёт в Омске. Служба в пансионе оставляет лето свободным, и он мечтает о поездке на Алтай, теперь уже в качестве учёного-этнографа. "По-настоящему живу только летом", — полуспутнико-полусерьёзно говорил он Г. Вяткину, предвкушая на кануках путешествие на Алтай.

В 1911 году Новосёлов вступает в число действительных членов Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества и в 1912 году едет на Алтай с целью изучения истории, культуры и быта алтайских староверов, так как считал, что "эта редкая этнографическая группа" недалека от потери своих типичных черт. "Многое способствовало сохранению этнографического типа "поляков" в той чистоте, которая едва ли может быть наблюдаемая в настящее время где-либо еще... Всё в жизни алтайского старообрядчества интересно и может дать благодарный материал для этнографа. Жилище, одежда, утварь — всё это как-бы перешагнуло через полтора-два века и является теперь классической иллюстрацией жизни старой Руси", — отмечал Новосёлов.

С этого времени Новосёлов является "правителем дел музея географического общества", фонды которого немало пополнил благодаря поездкам на Алтай. Из путешествий по Алтаю 1912, 1913, 1914 годов исследователь "возвращался в город с паками разных материалов: собирая и записывал песни, сказки, бытовые наблюдения. Ящики его письменного стола были всегда полны этнографическим и литературным сырьём", — вспоминал Г. Вяткин.

Итак, в 1912 году Новосёлов приезжает в наш край. Дальнейшее промедление с изучением жизни и быта староверов, по его мнению, может нанести огромный урон для науки, так как "ни кость, ни обособленность не выдерживают написка культуры. Вообще... недалеко время, когда алтайский строобрядец, если и будет совсем обесценен для исследователя, то, во всяком случае, и не будет так интересен, как теперь".

В начале июня 1912 года пароходом из Омска Новосёлов добрался до станицы Убинской, далее на лошадях выехал по направлению к Шемонаихе. Отсюда путь шёл лежал в Выдриху, Верх-Убу (Лосиху), Секисовку, Быструху, Малубинку.

В "Отчёте о поездке на Алтай" он делится впечатлениями от путешествия. В Малубинке, например, ему удалось побывать на богослужении федосеевцев: "Кажется, попал в катакомбы первых христиан. Шли века, развивалась жизнь, а тут каким-то волшебством все остались, в полной неприкосновенности".

В том же "Отчёте" читаем о посещении им старообрядческой женской обители на Убе, основанной "поморскими черницами", где "монахини ведут отшельнический образ жизни, едят только растительную пищу и считают сютоловодство тяжким грехом. Лекарств, разумеется, не принимают — лечатся одними молитвами...".

Впечатления от монастырской жизни были положены в основу повести "Мирская", опубликованной посмертно в журнале "Сибирский рассвет" в 1919 году.

За время путешествия Новосёлов записал множество свадебных обрядов, потолосных песен, загадок, заговоров, сделал массу снимков. А музей Русского Географического общества пополнился тридцатью этнографическими и двадцатью тремя археологическими предметами, множеством фотографий, зарисовок жилых строений, частушек. Кстати, по поводу песен и частушек... В "Отчёте о поездке на Алтай" он сетует на вытеснение душевной русской песни "залихватскими бессмысленными частушками": "Этот род творчества завоевал уже солидное положение в старой деревне. Вместо русской песни гремит бессмысленный речитатив... Набивши карманы конфетками и пряниками, прихожу на "полянку" и, как только удастся приручить немногого многочисленное общество, прошу спеть

старинную песню. Мне поют распространенные стихи, романсы и солдатские песни. Наконец, когда догадываются, что нужно, хохочут и говорят: "Ах, это стариковские-то? Ну, их у нас только старухи и поют, да и те забывать стали".

О результатах путешествия на Алтай в ноябре 1912 года Новосёлов читал доклад перед членами Русского Географического общества в Омске, который был опубликован в "Известиях Западно-Сибирского отдела РГО" под заглавием "У старообрядцев Алтая".

Целью этнографической поездки 1913-го года была "проверка весьма разночтивых данных по вопросу о времени и характере заселения долин рек Убы и Ульбы, а также для уяснения хода развития старообрядчества на Алтае", — писал Новосёлов. Он посетил Зевакино, Шемонаиху, Екатеринку, Старо-Алейское, Каменку, Верх-Убу, Бобровку, Тарханку, Согру и Усть-Каменогорск. Вероятно, именно во время этого путешествия Новосёлов с Г. Гребенниковым, братьями Зобнинными, А. Белослововым посетили в Усть-Каменогорске политического сыльного, учёного, красавца Евгения Петровича Михаэлиса. Об этом читаем в дневниковых записях Елены Дмитриевны Панкратьевой: "Во время сбора таких компаний у них шли очень активные, шумные разговоры, споры. Собеседники так бурно спорили, громко говорили и кричали, что мать Хотимской — жена Михаэлиса — в прутья говорила дочери: "Ну, ей-богу, сейчас подерутся, так спорят".

Последнее путешествие на "Окраину Великой окраины" — Алтай, в верховья Бухтармы, Новосёлов предпринял в 1914 году. Здесь он увидел "яркий пример скитничества" и изучал историю заселения русскими Бухтарминской долины, где наряду с беглецами — "бергалами, искавшими звериных уголков, за "Камень" шли и ревнители старины". Именно сюда, за "Камень" тянулись вереницы людей, ищущих свободы. Скоро за Бухтарминским краем укрепилась репутация земли обетованной. Но по мере того, как волна колонизации всё с большей силой приливала к снежным алтайским хребтам, бухтарминский "Камень" терял ореол недоступности, и представление о Беловодье переносилось куда-то неопределённо южнее, а самий Камень уже играл роль сборного этапа беловодцев, роль отправного пункта их безумно смелых экспедиций. — свидетельствовал Новосёлов в очерке "Умирающая старина" (1915).

Наблюдая бухтарминское население, исследователь сделал вывод, что "каменщики" в значительной степени отличались от староверов Убы и Ульбы. В религиозном отношении они представляют собой обособленную группу, не имеющую ничего общего со старообрядчеством убинским и ульбинским, и потому именно верхняя Бухтарма была воплощением "Беловодья". Из отчёта Расспорядительному комитету Географического общества о результатах третьей поездки на Алтай видно, что он собрал множество материалов по истории "Беловодья" путём опроса немногих, оставшихся в живых "беловодцев". И именно здесь сформировалась главная тема его произведений — Беловодье.

Из этнографической поездки Новосёлов вернулся с редкими экземплярами одежды "каменщиков": рубах мужских и женских, поясов, опоясок, кафтанов; привез венчальное покрывало, детскую лольку, самодельные детские игрушки, пчеловодческий инвентарь. 14 ноября 1914 года Александр Ефремович прочитал доклад о результатах своего путешествия "Из быта алтайских старообрядцев", опубликованный в 1915 году в X выпуске "Записок Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества".

Последняя поездка вдохновила Новосёлова на написание лучших его произведений: "Жабья жизнь", "Саинкин марал" и наиболее значительной повести "Беловодье", напечатанной в журнале "Летопись" за 1917 год. Над повестью Новосёлов работал почти два года. "Он писал немного, — вспоминал Г. Вяткин, — но старательно налегая не на количество, а на качество". В повести рассказывается о жизни алтайских старообрядцев, о поисках ими

земли обетованной — "Беловодья". "Как и все произведения Новосёлова, — отмечал Ф. Березовский, — повесть написана широкими и сочными мазками, здесь Новосёлов, как писатель, рисуется бытовиком огромной силы и огромного размаха". А Н. Яновский назвал "Беловодье" "произведением широкого дыхания".

Результатами трёх плодотворных этнографических путешесствий явились научные статьи, а также доклады и лекции, прочитанные Новосёловым в Омске, Усть-Каменогорске, Семипалатинске: "Из быта алтайских старообрядцев" (1914 г.), "Старая Русь на Алтае" (1913 г.), "Г. Потанин как этнограф" (1916 г.), "Народная медицина у алтайских старообрядцев" (1916 г.), "О жилище алтайских старообрядцев" (1917 г.). Научные труды Александра Ефремовича Новосёлова приобретают всё большую ценность наряду с работами Г. Потанина, Г. Требенщикова, М. Швецовой, Б. Герасимова, А. Белоуслова и др. и широко используются в работе историков, географов, филологов, этиографов по сей день.

Накануне революции слава писателя и учёного Новосёлова шагнула далеко за пределы региональной литературы. С чей-то "лёгкой руки" его уже называют Сибирским Толстым, а произведения ценият сибирские писатели и М. Горький, который всячески его поддерживает и открывает дорогу в большую литературу. Литературный критик В. Анучин пророчит ему блеснуть "звездой первой величины на нашем небосклоне, если... если его целиком не поглотит революция".

К сожалению, так оно и случилось. "Каждому делу, — писала Г. П. Новосёлова, — он отдавался с головой, и так же отдался политике". Зимой 1917 г. Новосёлов вступил в партию социал-революционеров, находя, что "программа этой партии наименее стесняет индивидуальный рост человека". Стремительно росла его карьера. К январю 1918 года он уже министр внутренних дел правительства автономной Сибири. Те, кто хорошо знал Новосёлова, были в недоумении, что он увлёкся политикой.

"Политическое честолюбие или огромный литературный талант?"

Ф. Березовский вспоминает, что политикой Новосёлов не интересовался до 1916 года, когда он впервые стал проявлять интерес к идеям областничества. "Для меня было совершенно неожиданным, когда, приехав в июне 1917 года с кавказского фронта в Омск, я узнал, что Новосёлов... занимает большой административно-политический пост в казачьем войске... По старой привычке я шутливо спросил:

— Ефремыч! Как вы попали чуть не в атаманы казачьего войска?

Новосёлов ответил подчёркнуто серьёзно:

— По выборам, Алексеич..., ничего не поделаешь, выбрали! Выбрали! Вы знаете казаков... если предоставить самим себе — натворят! А за мной пойдут...

А я слушал его и в голове решал: что возьмёт верх в этом незаурядном человеке — политическое честолюбие или огромный литературный талант? Несомненно было одно: милого, простого, до слёз хохочущего Александра Ефремовича не стало..."

В январе 1918 года Сибирской областной думой создаётся правительство автономной Сибири и Новосёлов, министр внутренних дел, по поручению думы отправляется на Украину для установления связей с Украинской радой, но в Киев попасть уже не смог. После разгона большевиками областного Учредительного собрания Дербер, председатель Совета Министров Сибирского правительства, бежит на Дальний Восток. Сюда же, не выполнив миссии, в марте приезжает Новосёлов. А в июле-августе через Японию и Корею возвращается в Сибирь.

В сентябре 1918 года, за несколько дней до страшной развязки, Новосёлов и поэт Г. А. Вяткин беседовали по душам. «Он только что вернулся из поездки на Дальний Восток», — вспоминал Вяткин, — «выглядел очень утомлённым и, помешивая ложечкой чай в стакане, говорил:

— Устал я от политики... Да и какой я политик? Надо быть твердокаменным, а мне кажется: это не то, это не так... Массы от нас далеки, а на одной интеллигенции далеко не уедешь. Мне очень хочется написать роман о трагической беспочвенности русской интеллигентии... Собственно говоря, пять глав уже написаны... есть и название: «Китеж — град невидимый». Вы понимаете — интеллигентская революционная романтика и её крах перед действительностью...».

В Омске Новосёлов прожил три дня. В ночь с 20 на 21 сентября его арестовали по распоряжению начальника Омского гарнизона, полковника Волкова.

Среди арестованных оказался В. М. Крутовский — член Сибирского правительства и бывший редактор журнала «Сибирские записки». Новосёлов всегда был угрем, подавлен и малоразговорчив, — свидетельствует Крутовский. — он пенял на себя, что так глупо попался в руки какой-то черносотенной банды, и, видимо, у него на душе было какое-то тяжёлое предчувствие... Когда нас с Шатиловым под угрозой расстрела Семенченко и Нарбут заставили написать прошение об отставке, то Якушев и Новосёлов стали упрекать нас в малодушии». Новосёлов продолжал оставаться под арестом, но требовал немедленного перевода в тюрьму. 23 сентября за ним пришли два офицера, вероятно Семенченко и Мефодьев, и под видом того, что его переводят в тюрьму, увезли в автомобиле по направлению к Загородной роще.

«Я возвращу вам всё отнятое время, ребятки...»

Дальнейшее нам известно из рассказа сторожа загородных дач: Новосёлов был убит в упор выстрелом в затылок. «Если хоть минута сознания разделила предательский выстрел сзади и его смерть, — писала вдова, — то я знаю, она была отдана страшной тоске за детей...». «Я думаю о судьбе детей, как о судьбе заброшенных сирот, к которым люди и жизнь отнесутся с особой безжалостностью...» — тревожился он в одном из последних писем домой. «Я возвращу вам всё отнятое у вас время, ребятки», — обещал в другом. Увы, этому не суждено было сбыться...

На похороны Новосёлова собралось огромное количество людей. Площадь вокруг казачьего собора, где отпевали покойного, была заполнена до отказа. «День был по-осеннему тёплый. У гроба писателя, не стыдясь слёз, плакали друзья и почитатели его таланта. Не верилось, что мы прощаемся с Александром Ефремовичем навсегда», — рассказывали старожилы Омска Станиславу Черных.

«Всегда приятно поставить последнюю точку», — читаем в авторском предисловии к книге «Лицо моей Родины». — Но как трудно поставить мне её сейчас! Книга окончена...». В нашем же поиске материалов об учёном и писателе Александре Ефремовиче Новосёлове мы уверенно ставим многоточие. Работа по восстановлению творческой биографии писателя продолжается.

г. Усть-Каменогорск.